

Е. В. Потапова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

**СТИХОТВОРЕНИЕ «ОЛЕГОВ ЩИТ»
В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ
«КАВКАЗСКОГО» ЦИКЛА А. С. ПУШКИНА¹**

***Аннотация:** В статье рассмотрено стихотворение А. С. Пушкина «Олегов щит» как элемент «кавказского» цикла 1832-го года. С опорой на его архитектуру выявляются ценностные установки автора, мотивировки включения данного произведения в аксиологическую парадигму лирического цикла. Обосновывается структурообразующая роль стихотворения, его принадлежность к рамочному тексту. Рассматриваются возможные причины последующего исключения произведения из «Стихов, сочиненных во время путешествия (1829)».*

***Ключевые слова:** Олегов щит, А. С. Пушкин, кавказский цикл, архитектура, «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)», рамочный текст, аксиология.*

Стихотворение Пушкина «Олегов щит» всегда вызывало у исследователей множество вопросов различного характера: от системы взаимодействия произведения с историческими событиями прошлого и настоящего до жанровой и стилиевой специфики в целом. Рассмотрение стихотворения в контексте архитектоники «кавказского» цикла может дать дополнительные возможности для его толкования. Об аксиологическом статусе архитектурной формы писал М. М. Бахтин: «архитектонические формы суть формы душевной и телесной ценности эстетического человека, формы природы – как его окружения, формы события в его лично-жизненном, социальном и историческом аспекте» [Бахтин, с. 20].

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Олега Васильевича Зырянова.

Группа стихотворений, посвященных Кавказу, в сборнике 1832-го года «Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть» выглядела следующим образом: I. Кавказ, II. Обвал, III. Монастырь на Казбеке, IV. Делибаш, V. «На холмах Грузии лежит ночная мгла», VI. Из Гафиза (лагерь при Евфрате), VII. Дон, VIII. Олегов щит. Следует заметить, что «Олегов щит» – единственное произведение, не попавшее в новую редакцию этого цикла, поэтому его роль в структурном единстве кавказских стихотворений можно назвать определяющей.

С. А. Фомичев по праву называл стихотворение «Олегов щит» «загадочным» [Фомичев, с. 125]: его сюжет до сих пор не может трактоваться исследователями однозначно. В первой строфе наблюдается восхваление подвига «таинственного варяга», вспоминается его победа над Византией: «Ты пригвоздил свой щит булатный / На цареградских воротах» [Пушкин, с. 118]. Во второй части произведения изображается современная поэту армия, победить которой мешают, как ни парадоксально, сам Олег и его вещественный символ: «И нашу рать перед Стамбулом / Твой старый щит остановил» [Там же]. Стихотворение трактовалось исследователями многосторонне: по мнению Н. В. Измайлова, Пушкин выразил в нем «отрицательное отношение к этой бесплодной и не блестящей кампании (войне 1828-1829 годов. – Е.П.) и к ее лжегероям» [Измайлов, с. 12]. С. А. Фомичев же предлагает не отождествлять поход Олега на Византию с турецкой войной, а, напротив, заметить «парадоксальное несходство двух исторических событий» [Фомичев, с. 130].

Для прояснения статуса произведения в контексте «кавказского» цикла важно, что оно является частью его рамочной структуры. Стихотворная пара рамочной композиции цикла образует видимые переключки: от «вражды бесполезной» («Кавказ») [Пушкин, с. 135] обнаруживается переход ко «вражде кровавой» («Олегов щит») [Там же, с. 118], на что обращает внимание М. Н. Дарвин [Дарвин, с. 33–34]. Соотнося эти строчки, можно предположить, что Пушкин, включая «Олегов щит» в цикл, мыслил преимущественно категориями свободы / несвободы, которые проявлялись особенно ярко при включении их в военную тематику. «Бесполезная» вражда в «Кавказе» выражает идею антимилитаризма, Терек «играет и воет» в «клетке железной», находится во власти внешних сил: «теснят его грозно немые громады» [Пушкин, с. 135]. В черновой строфе стихотворения это прослеживается особенно ярко:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

[Там же, с. 471]

«Олегов щит» демонстрирует собой не только желание последователей «таинственного варяга» покорить новую территорию, но и самовольную их зависимость от своего предка: воины идут не своим путем, а избирают путь своего предшественника: «твой (курсив мой – Е.П.) путь мы снова обрели» [Там же, с. 118]. В. С. Листов мотивировал поведение Олега в стихотворении следующим образом: «древний союз славян и норманнов <...> ныне распался, уступил место ревнивому противостоянию» [Листов, с. 189]. Получается, что «вражда кровавая» символизирует не только поведение русских воинов, когда они «к Стамбулу грозно притекли», но и историческое противостояние предка и его потомков. Когда «старый щит» останавливает славян, они оказываются полностью зависимыми от варяга уже не по своей воле, они не могут свободно влиять на исход своих завоеваний.

В рамочной структуре кавказского цикла 1832-го года важное место занимает концепт *свобода*, который реализуется в двух совершенно противоположных планах: в «Кавказе» внешняя несвобода не отменяет свободы внутренней, а в стихотворении «Олегов щит» самовольный отказ от собственного пути предвосхищает полную зависимость от своего предка.

Драматизм взаимодействия этих двух произведений усиливается связью обоих стихотворений с балладной традицией. Р. Лейбов и А. Осповат указывают: «последний катрен ОЩ (Олегов щит. – Е.П.) переключает сюжет героического эпоса в балладный или сказочный модус» [Лейбов, Осповат, с. 83]. Последняя строфа дает ощущение неустойчивости и зыбкости: «холм потрясся», затем воздействие усиливается звуковой составляющей – слышится «бранный гул» и «стон ревнивый». «Кавказ» отсылает к балладной традиции за счет своей строфики. Как отмечал Е. Г. Эткинд, балладная строфа произведения «должна была обратить внимание читателей на драматическую сюжетность стихотворения, свойственную именно балладе» [Эткинд, с. 302].

В лирический цикл «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)», который является, по сути, новой редакцией «кавказского цикла», стихотворение «Олегов чит» уже не вошло. Однако помимо этого структурного изменения в «Стихах, сочиненных во время путешествия 1829») была переменена вся его архитекtonика, цикл стал выглядеть следующим образом: I. Дорожные жалобы, II. Калмычке, III. На холмах Грузии лежит ночная мгла, IV. Монастырь на Казбеке, V. Обвал, VI. Кавказ, VII. Из Гафиза (лагерь при Евфрате), VIII. Делибаш, XIX. Дон.

Рамочная структура «Стихов, сочиненных во время путешествия (1829)» реализуется следующим образом: «Дорожные жалобы» и «Дон» воплощают в своей совокупности образ родины поэта до и после «путешествия». В открывающем цикл стихотворении присутствует иронично-пессимистичный взгляд лирического героя на путешествие, желание оставаться на своей земле:

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..
[Пушкин, с. 123].

В «Доне» же происходит не просто возвращение домой, а духовная эволюция, восприятие путешествия как необходимого элемента жизни и культурного взаимодействия: «От Аракса и Евфрата / Я привез тебе поклон» [Там же, с. 122]. Как отмечал Ю. М. Лотман, «центральными мотивами его (цикла. – *Е.П.*) оказываются Дом и Монастырь» [Лотман, с. 303]. Такие перестановки повлияли на восприятие стихотворения «Олегов чит» как на лишнее звено циклического образования. Для М. Н. Дарвина причина отказа от произведения виделась в несоответствии его общей архитектонике цикла, исследователь рассматривал этот элемент как «второй избыточный финал после стихотворения “Дон”» [Дарвин, с. 34]. Можно предположить, что отказ от этого стихотворения мотивирован изменением архитектоники, которая была продиктована уже иными ценностными ориентирами.

Таким образом, стихотворение «Олегов чит» не является лишним в структуре первой редакции кавказского цикла: отказ от него обусловлен

эволюцией аксиологических установок А. С. Пушкина. В 1832-м году, создавая группу стихотворений, посвященных Кавказу, поэт отдавал предпочтение категориям свободы / несвободы духовной (внутренней) и физической (внешней). В 1836 году, планируя «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)», Пушкин воплощает в архитектонике цикла уже иную ценностную модель видения мира: концепт свобода воплощается в структурном ядре, в обрамлении же актуализируется такая категории, как дом – неизменная константа, занимающая особое место в аксиологической системе А. С. Пушкина.

Список литературы

Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. лит., 1975. – С. 6–72.

Фомичев С. А. «Загадочное» стихотворение Пушкина «Олегов щит» // Болдинские чтения / Редколлегия: М. П. Алексеев, Н. А. Борисова, В. А. Грехнев. – Горький, 1980. – С. 125–132.

Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 3. – 551 с.

Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин: Исследования и материалы – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 2. – С. 7–48.

Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики: учеб. пособие. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1983. – 103 с.

Листов В. С. К истолкованию стихотворения А. С. Пушкина «Олегов щит» // Пушкин и мир Востока. – М.: Наука, 1999. – С. 185–191.

Лейбов Р., Основат А. Сюжет и жанр стихотворения Пушкина «Олегов щит» // Пушкинские чтения в Тарту, 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария. – Тарту, 2007. – С. 71–88.

Эткинд Е. Г. Симметрические композиции у Пушкина // Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 253–346.

Лотман Ю. М. Из размышлений над творческой эволюцией Пушкина (1830 год) // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки (1960-1990). «Евгений Онегин». – СПб., 1995. – С. 300–316.